

The background of the cover is a photograph of a wide, wet street on a foggy day. On the left, a multi-story apartment building is visible, with several windows glowing with warm light. A lone figure in dark clothing is walking away from the viewer down the center of the street, their reflection visible on the wet pavement. The overall atmosphere is somber and quiet.

Глас вопиющего

Владимир Соколов

18+

Владимир Соколов

Глас вопиющего

«Автор»

2026

Соколов В.

Глас вопиющего / В. Соколов — «Автор», 2026

Каждый человек – как новая комната с открытой дверью. Попробуйте зайти в эту.

© Соколов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1998	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Соколов

Глас вопиющего

Владимир Соколов

Глас вопиющего

1998

21 сентября

Я боюсь смотреть людям в лицо и не решаюсь встречаться с ними взглядом. В таком скреживании двух обнаженных душ всегда есть что-то неприличное и жуткое. Присутствие человека за спиной меня нервирует, как угроза, поэтому я не люблю очередей: когда кто-то стоит сзади, я боюсь оглядываться, мне кажется, что что-то загадочное и грозное нависает над моими плечами, какая-то черная дыра, поведение которой невозможно предугадать. Зато какое облегчение и счастье, если это существо зашевелится, закашляется, высморкается, тяжело вздохнет или о чем-нибудь буднично заговорит: сам звук его голоса, обыкновенность его речи меня успокаивают, я сразу понимаю, что это просто человек, а не сверхъестественно могучий и опасный дух, которого я себе вообразил. И совсем уже хорошо, если сделанное им замечание будет безобидным и недалеким, простодушно обнажающим его характер и вызывающим снисходительную улыбку: вот тогда чувствуешь себя уже в полной безопасности.

23 сентября

По пути домой сидел в автобусе на раскаленной печке под сиденьем и смотрел в окно. Солнце садилось в дым, вечерело, за окном мелькали бурые деревья, похожие на вытертую мебель. На выезде из города автобус долго стоял на остановке, а я весь жался и краснел, слушая, как кондукторша, толстая сварливая баба, распекает не заплатившего за проезд пассажира. Это был мелкий плюгавый кавказец, он упрямылся, ссылаясь на какие-то свои «права», остальные пассажиры подавали с мест советы, что надо его высадить, сдать в милицию и т. д. Оказалось, что вместе с кавказцем едут еще две женщины, одна из них пьяная и избитая; пассажир сначала отрицал, что их знает, но потом приказал одной выйти из автобуса, а другую сам выволок в двери на следующей остановке, заплатив в итоге за проезд. Выходя, он сказал: «И так каждый день». Скандал происходил на передней площадке, и я все время мучительно стыдился за них и за неловкость этой ситуации и отворачивался к окну, совершенно забыв про себя, с опущенной головой и пылающими ушами.

27 сентября

Говорят, что к концу жизни Дон-Жуан уже не испытывал особого волнения, соблазняя очередную женщину. Со временем это стало представлять для него только спортивный интерес: ему приходилось бороться с собственным равнодушием, неприязнью, даже отвращением, чтобы привести себя в достаточную степень возбуждения. Сидя за будуарным столиком и пригубляя бокал с мальвазией, он бросал сквозь ресницы страстный взгляд на собеседницу и в то же время спрашивал себя, стоит ли это приключение того, чтобы тратить на него время, не ошибся ли он в выборе, не будет ли ему на этот раз слишком скучно. Может быть, он даже жалел о том, что стал заложником своей судьбы, пусть и такой знаменитой и блестящей, что не погрузился вместо этого в занятия наукой, не занялся карьерой и политикой, не заперся навеки в монастырской келье.

28 сентября

Ехал в электричке и всю дорогу глазел из окна на пасмурный город – ржавые листья, мокрые зонты на улицах, пестрые бульвары, ядовито-рыжие, словно облитые едкой краской. Осенью деревья в городе становятся каким-то инородным телом, словно в него ворвалась армия лесных партизан и уже захватила банк и почту. Когда проезжали через мост, по каналу плыла широкая баржа, мокро и плоско блестящая от дождя.

Позже, когда вышел на платформу, сзади кто-то деликатно прикоснулся к моему локтю. Оглянулся – моя студенческая знакомая, И. О. Мы не виделись уже лет десять. У нее все то же удлиненное и худое лицо, похожее на византийские иконы, точеный нос с горбинкой и веснушками, взбитые и растрепанные волосы, но в голосе появились новые глубокие и уверенные нотки: она объяснила это тем, что воспитывает двоих детей и поэтому должна иметь «авторитетный» тон. От неожиданности я начинаю много говорить – внешне живо и непринужденно, но внутренне в смятении и панике, поэтому весь разговор беспорядочно прыгает с одного на другое, грозя повиснуть в пустоте. После семи лет брака она недавно развелась с мужем, теперь сидит без денег, финансовое положение катастрофическое, ездит в поисках работы, ее старший сын скоро пойдет в школу и т. д. На эскалаторе мы стояли друг против друга почти вплотную, и я чувствовал от нее слабое веяние женственности. В такие минуты так просто и естественно обнять стоящую рядом женщину, что кажется непонятным и удивительным, почему это невозможно. Словно прочитав мои мысли, И. О. взяла меня обеими руками за плечи, давая мне понять, что эскалатор сейчас кончится, и на секунду мы действительно почти обнялись.

Инстинктивно я изменил свой маршрут так, чтобы расстаться с ней как можно раньше, и не ошибся: тем для разговора едва хватило, под конец мы уже молчали, не зная, что сказать друг другу. Напоследок она дала мне свой телефон (который я при каждой встрече из вежливости у нее спрашиваю и тут же забываю) и перед тем, как произнести номер, опасливо понизила голос и огляделась по сторонам, словно мы были двумя шпионами, договаривавшимися о явке. Наконец моя остановка: я выхожу, махнув рукой, и разговор обрывается так резко, что еще какое-то время крутится у меня в голове, как пущенное вхолостую колесо.

3 октября

Разговаривая с женщиной, я держу в руке конец нити, которая, если ее не отпускать, может завести очень далеко. Самый легкий флирт ведет к более серьезному, рано или поздно он заканчивается телесной близостью, доставляемое ею наслаждение – если дальше двигаться по той же нити – скоро прискучивает и надоедает, требует разнообразия, выдумки, изощренности, переходящей в извращенность; затем, ради обострения чувств, в ее орбиту втягиваются другие люди, постепенно сексуальность превращается в культ, в манию, которая, как и всякая мания, изолирует от мира, и в конце концов – поскольку природа сексуальной страсти, несомненно, дьявольская, – оказывается, что ты уже на самом дне «земного ада», вернее, был бы там, если бы у ада имелось дно. Разумеется, до такого логичного конца мало кто доходит, люди вообще непоследовательны, большинство останавливаются на промежуточных станциях. Но тогда, может быть, лучше и совсем не начинать.

4 октября

Читал свои старые тетради: толстые философские конспекты, дневники, наброски и куски произведений, из которых некоторые почти закончены, – сначала с интересом и вниманием, даже умилением, потом с все возрастающим чувством отвращения и упадка духа. Ничуть не радуют меня все эти мелко исписанные страницы, это архивное изобилие бумаги – и чем буйней брызжащая с них фантазия, чем красочней описания и острее мысли, тем в большее уныние я прихожу. С досадой и горечью я думаю о том, что потратил свою жизнь на бесполез-

ную бумажную работу, из которой так и не вышло ничего ясного и цельного, ничего твердого, на что можно было бы опереться в тяжелую минуту и найти утешение и поддержку. Наоборот, вся эта сумбурная писанина лишает меня остатков мужества и приводит в глубокое отчаяние, словно я выгребая из подвала чей-то чужой, неудавшийся и канувший в Лету труд и обреченно узнаю в нем не только свою прошлую, но и настоящую и будущую жизнь. Я вижу человека, который воображал, что обитает в бесконечно разнообразном и насыщенном духовном мире, а на самом деле сидел в клетке, влача скудные и немощные дни, – вижу с той ясностью удаленной перспективы, с какой судят об уже умерших.

6 октября

Вечером беседа с Ж., мужем моей племянницы: он входит, деликатно постучав, я сижу над раскрытой тетрадью, вот этим дневником, и при его входе не встаю, а продолжаю сидеть вполоборота на стуле, пока он садится рядом на диван. Темой разговора является завтрашняя всенародная «стачка»: он утверждает, что демонстрация народного протеста может положительно повлиять на действия правительства, а я высказываю скептические и пессимистические соображения. Эта нудная дискуссия длится до тех пор, пока Ж. вдруг не делает верное замечание, что будь он на моем месте – то есть имей работу, достаток и т.д., – он рассуждал бы так же, как и я, то есть терпимо и с абстрактной мудростью, но в его положении это невозможно: он должен действовать. Это умное высказывание, сделанное с точки зрения как бы третьего лица, сразу придало беседе верный угол зрения и тон, и я пожалел, что сделал его не я. Мне всегда хотелось уметь подняться в разговоре над плоскостью частного мнения и смотреть одновременно глазами всех его участников, всевидящим оком объемного и свободного всепонимания; я даже думал, что отчасти обладаю этим свойством.

7 октября

Вспомнилось, как давным-давно, в туманный и дождливый день, на мосту возле Васильевского спуска я решил следовать за маячившей впереди фигуркой девушки. У меня не было даже отдаленного намерения с ней познакомиться, я только с удовольствием фантазировал об этом, о ее повседневной жизни, о доме и квартире, где она живет, и когда она окончательно растворилась в морозящем дожде, почувствовал, что мое поведение жалко, но в то же время по-своему безупречно. Взять и выбрать посреди огромного мира одну живую душу, жадно прилепиться к ней душой, целиком впитать ее в себя, узнать все ее прошлое и настоящее вплоть до самых ничтожных деталей, крепко связать себя с ее судьбой, какой бы она ни была, безоглядно отдать ей себя, срастись и стать с ней одним целым – разве не такое чувство называется любовью?

9 октября

Один из современников Кьеркегора по фамилии Хайберг после многих месяцев непрерывного чтения Гегеля, которого он с трудом понимал, однажды вечером в гостинице вдруг в одно мгновение проник в смысл и суть гегелевской системы и постиг ее во всей полноте и единстве, причем это мгновение, как он пишет, «было важнейшим событием моей жизни, подарившим мне тот покой, ту уверенность, то чувство собственного достоинства, которых прежде я никогда не знал». Примерно в то же время другой современник Кьеркегора, Адлер, убежденный сторонник гегельянства, так же внезапно отвратился от этой философии и обратился в христианство, получив откровение, по крайней мере, не менее глубокое и несомненное, чем Хайберг. После этого оба жили, придерживаясь прямо противоположных точек зре-

ния, но испытывая сходное чувство обладания самоочевидной и насущной истиной, которая не только наполнила их жизнь значением и смыслом, но, что гораздо существеннее, избавила их от страха перед жизнью, открыв источник неисчерпаемых душевных сил, каждодневного утешения и поддержки.

10 октября

Купив свой первый компьютер и установив его на стол, я почувствовал что-то вроде отторжения – такой замкнутой, чужой и враждебной вещью он вторгся в мою комнату. Мне было страшно за него садиться. Казалось невозможным совместить литературу – органически теплую и живую вещь – с этим бездушным монстром, соединившим лед абстрактной мысли с холодом кремниевых чипов. Потом я к нему притерпелся и привык, пробовал даже писать на компьютере, но в этом примирении все-таки осталось что-то насильственное, до сих пор неизжитое и таящее неразрешимое противоречие. Присутствие компьютера, по сути дела, устраняет литературу, делает ее устаревшей и ненужной, каким-то прошлым веком, в то время как сам он воплощает в себе дьявольский соблазн новых технологий, всяческой вообще новизны, которой надо отдаться или сдаться, приняв ее как новую веру, помириться и сжиться с ней, даже «наступив себе на горло», ради небывалого, пугающего, неотвратимо наступающего будущего.

12 октября

На эскалаторе метро несколько минут стоял позади священника, чувствуя его почти осязаемую физическую близость, странно волнуясь ею: ведь этот человек, может быть, еще час назад общался с Богом. Высокая шапочка, из-под которой торчит свернутая косица, дешевая тускло-синяя болоньевая куртка, под ней черная ряса до пят, через плечо на ремне перекинут новенький темно-серый матерчатый портфель, довольно красивый, я бы и сам от такого не отказался, с расстегнутой на боку «молнией» – он вынул из него книгу, которую читал на эскалаторе (мне было интересно, что это за книга, конечно же, «священная»). Потом пошел к выходу размеренной, слегка припадающей походкой, как бы разгребая ногами воду, – наверно, из-за привычки ходить в рясе.

В другой раз видел в метро просящего подавание монаха: в подземном переходе текла река людей, а он стоял на противоположной стороне коридора в полном одиночестве, облаченный в свою длинную хламиду, с черной бородой и белым ящиком для сборов, неподвижный и безмолвный, как живая укоризна мирскому злу. Когда я рассказал об этом жене, она вспомнила о черной монахине на нашем рынке – мужеподобной, с темными усами, которая стоит у рыночных ворот и наводит робость на смущенных покупателей. По крайней мере, жена, проходя мимо, боится на нее смотреть.

13 октября

Осень в Сокольниках – это теплая хмарь октябрьского дня и щемящее чувство уличной сырости и наготы, как будто ходишь не в городе, а на сцене под открытым небом. Мокрая желтизна деревьев нагло маячит в переулках, бьет в глаза из-за забора школ и, словно нищий, показывает из-за угла проходим остаток своего роскошного рубища: вот, мол, посмотри, как я был хорош, а теперь гнию и умираю, не проходи равнодушно мимо, брось на меня сочувственный и восхищенный взгляд.

14 октября

Кьеркегор советует отчаиваться, чтобы уверовать, но для этого нужно быть гораздо более глубокой и цельной натурой, чем я. Не каждому под силу нести большую тяжесть, и не всем больным прописывают одно и то же средство. Отчаяние может привести не к религиозному откровению, а к самоубийству, безумию, преступлению или апатии. Мой рецепт – не отчаиваться, а жить и прозябать, пока не умрешь или пока что-нибудь не взорвет тебя снаружи или изнутри.

Если меня что-то спасает, так это врожденная, наивная, ни на чем не основанная уверенность в своей незаурядности: каждый день мне кажется плацдармом, с которого начнется взлет. Пускай сегодня этого не произошло, но и следующий день в качестве такого плацдарма будет ничуть не хуже. Подростком я считал себя величайшим из живущих на земле людей или, по крайней мере, редким гением, призванным изумить все человечество. Как это ни смешно, почти такого же мнения я придерживаюсь и до сих пор. Упрямо, невзирая ни на что, я продолжаю думать о себе как об исключительном человеке, обладающем незаурядными способностями и выдающимся умом. Мне все мнится, что мои возможности просто не находят применения, что они лежат под спудом, придавленные неудачными обстоятельствами и скукой жизни, и что когда-нибудь, в подходящей ситуации, они явятся на свет и блеснут одной из своих неисчислимых граней. Только изредка, когда я вдруг осознаю, что мне уже далеко за тридцать и ничего из того, что мной уже написано, само собой не напечатается, а из того, что еще не написано (то есть фактически – всего), вряд ли когда-нибудь напишется, меня охватывает тоска, мрачная и безысходная, как у калеки, который задумался о марафонском беге и вдруг вспомнил, что сидит в инвалидной коляске и не может не только бегать, но даже встать. Потом эта минута трезвости проходит, и мечтательность снова затуманивает мне взгляд. Сладость моих фантазий заключается в том, что я начинаю в очередной раз припоминать и планировать, что должен буду написать в последующие годы: составляю график работы, в котором точно указано, какое именно произведение будет создано в такие-то месяцы такого-то года, и продолжаю этот список вплоть до самой смерти, запланированной то на сорок один, то на пятьдесят четыре, то на сорок восемь лет.

17 октября

Проснулся среди ночи от воплей и песен гулявшей под окном компании и полчаса лежал в темноте, вынужденный слушать их пьяные крики и назойливую музыку, которыми они перебудили половину дома. Чувствуя себя униженным, с беспомощной злобой мечтал, как расправился бы с этой бандой, будь я героем кинобоевика, но при этом отлично сознавал, что лучше вытерпеть несколько часов этой пытки (удвоенной тем, что рядом не спит усталая жена, которую ты не можешь защитить от разнузданных подонков), чем поставить себя в нелепейшее положение, медленно встав с постели, медленно одевшись и обувшись – не в тапочках же идти на улицу, – выйдя из подъезда и обратившись с увещеваниями, угрозами или чем-то там еще к невменяемым и незнакомым людям. Понемногу я дошел до белого каления, раздосадованный тем, что нельзя даже крикнуть им в окно, потому что оно закрыто сеткой от комаров, а голос у меня слабый, и бросить тоже нечем (разве что картошкой). Утешение, правда, очень слабое, нашел лишь в полумстительной, полухристианской мысли, что эти неприступные, самодовольные, торжествующие существа с громкими голосами и агрессивным смехом – в конце концов, всего лишь люди, что их веселье и торжество только временное и мнимое, потому что никакая оргия не может продолжаться бесконечно, как бы они того ни хотели; что рано или поздно им придется уступить сну, за которым неизбежно последует тяжелое похмелье; что, как бы они ни жили, их жизнь не может состоять из одного лишь пьяного разгула, а, как и у всех людей,

состоит в основном из забот и бессмысленных страданий; что в конечном счете они вовсе не счастливы, а несчастны и, значит, достойны жалости.

18 октября

Спасению души среди прочего препятствует многообразие мира, изобилие его подробностей и мелочей, на которых душа останавливается с большей любовью, чем на широких и безвкусных обобщениях. В этих мелочах легко рассеяться и потеряться. По скудости своих возможностей или по природной склонности к мономании, душа обычно сосредотачивается только на одной или нескольких наиболее привлекательных для нее вещах (чаще всего тех, которые навязаны обстоятельствами жизни, профессией), и как только это происходит, остальные части мира перестают для нее существовать. Все ее силы устремляются к этим немногим концентрирующим точкам, образуя силовые узлы, властно управляющие периферией. В юности, когда структура интересов только складывается, ее еще можно перестроить, но с годами она превращается в прочную и «невзламываемую» крепость, куда только с чрезвычайным трудом способно проникнуть что-то новое.

Ум вообще очень негибкий инструмент: чтобы думать о чем-нибудь неординарном, его сперва надо разминать, разогревать, как спортсмена перед схваткой, иначе с непривычки он вывихнет себе все руки и ноги. Трудно представить себе такой прыжок ума, например, у человека, перебирающего в сарае картошку или греющегося у печки на осенней даче, среди скудной обстановки. Вот он сидит один в пустом холодном доме, в лицо ему дышит жар из топки; его взгляд, обводя комнату, задерживается на жестяном рукомойнике, прибитом к голой доске, на бревенчатых стенах, на шелушащихся луковицах, рассыпанных по табурету; его мысли связаны только с примитивными вещами, с едой, теплом: надо нарубить дров, принести воды – и вдруг, ни с того ни с сего, он сознает, что все это сотворено Богом, и не просто каким-то Богом, а Личностью, с которой он находится в непостижимой связи, что вообще есть и для чего-то нужно такое понятие, как Бог.

20 октября

Полная катастрофа с веб-страницей, даже худшая, чем я ожидал: она не только совершенно не понравилась директору, но, как оказалось, некорректно работает при высоких разрешениях, в чем виноваты только мои неопытность и недальновидность (точнее сказать – моя самонадеянность, ибо, замороженный идеей собственной одаренности и нетерпеливым ожиданием ее плодов, я на время становлюсь нечувствительным к недостаткам своей работы и допускаю глупейшие ошибки). Между тем, рассчитывая на более низкое разрешение монитора, я был почти доволен результатами своего труда, в который вложил, как мне казалось, всю меру прилежания, тщательности, выдумки и вкуса, на какую я только способен. Мысль, что надо переделывать все это заново и, скорей всего, в гораздо худшем виде, и что вместо ожидаемых мной похвал и даже восхищения я буквально опозорился, не оправдав возлагавшихся на меня ожиданий и представ в жалком свете заносчивого неумехи, ничем не способного подтвердить своих претензий, – мысль эта для меня невыносима. В том, что это случилось именно теперь, когда для меня было так важно реализовать себя хоть в чем-нибудь (впрочем, так было и всегда), мне видится какая-то насмешка, которая перечеркивает всего меня, все, что я когда-либо делал и способен сделать в будущем.

Вечером, стоя в ванной перед зеркалом, я уговаривал себя: не показывай, как ты уязвлен, сохраняй невозмутимый вид, отнесись к этому по-философски и, главное, не жалуйся жене. Но все-таки не выдержал: перед сном в постели излился перед женой длинной жалобой на свою несчастную судьбу, перечислив все свои неудачи чуть ли не с младенчества. «Я ничего

и никогда не добивался, все, что я делал, мне не удавалось, несмотря на все старания, я получаю лишь щелчки». При всем желании меня утешить жена не смогла привести ни одного примера, когда я действительно добился какого-нибудь заметного успеха, и это уязвило меня еще больше: втайне я надеялся, что она все-таки сумеет меня переубедить.

На следующее утро проснулся с тяжестью глубокой неудачи и носил ее в себе весь день, ожесточенный и отчаявшийся, не в силах ни думать о чем-нибудь другом, ни примириться с мыслью о своей несостоятельности. Как ни странно, это напоминает мне то время, когда я был влюблен и знал, что меня не любят; не мог отказаться от своей любви и не мог вынести того, что был отвергнут. Бесконечно веду внутренний монолог с директором, призванный обелить меня в его глазах, раздраженный и бессильный («не нравится, так делай сам»), и чувствую на себе чью-то мощную руку, с железной силой пригибающую меня к земле. Я таюсь в темноте, но меня поддерживает убеждение, что, если бы я пожелал выйти на свет и показать свое истинное лицо, во всем блеске его талантов и достоинств, все бы от изумления раскрыли рты. Поражение, подобное пережитому, лишает меня и этой поддержки.

23 октября

Вчера одна из декларанток, которой я ставил программу, во время разговора подошла ко мне сзади и шуточно обняла, навалившись на плечо тяжелой грудью. Мы знакомы с ней по работе уже много лет, когда-то между нами намечалось даже что-то вроде легкой склонности, которая погасла в корне, задушенная моей пассивностью и общей скукой жизни (странно, как вообще что-то может происходить в этой вязкой среде). Это крупная рослая женщина с короткой стрижкой, длинным лицом и выпуклыми глазами, немного похожая на ирландскую певицу Елугу. Характер нервный и неуживчивый: быстрая речь, насмешливость, веселость, оживленность, но в то же время впечатление какой-то внутренней тяжести, даже затравленности, поскольку она, скорей всего, одинока, жизнь у нее скучна и неинтересна, на работе ее никто не любит, так как к ней трудно испытывать симпатию; к тому же с некоторых пор я заметил, что у нее подергивается голова. Жест ее был, конечно, не вполне невинный, но заведомо не имеющий никаких последствий, поэтому он не вызвал у меня ни смущения, ни волнения, я только как бы мысленно поднял брови.

Из недавних впечатлений: мальчик в электричке, певший вместе с отцом популярную песенку, – пронзительным, высоким, ненатуральным голосом. Растерянный полуглухой старик, который метался на остановке посреди пустынного проспекта на окраине Москвы и спрашивал меня, как попасть на какой-то Керамический проезд.

24 октября

С годами я все больше понимаю, что на самом деле должен был бы жить другой жизнью и в другой среде, среди других людей и обстоятельств, больше мне подходивших и приспособленных к тому, чтобы выявить мои особенности и скрытые возможности. Мне следовало расти и воспитываться в обществе, где воздействие чужих умов подвергло бы мой собственный правильной огранке, закрепив его в твердо очерченных границах. К несчастью, этого не произошло. Все эти годы мой душевный организм развивался неправильно, как растение без гравитации: одни зародыши в нем остались без развития, другие выжили, но сильно исказились, приобретя причудливый и мрачный вид. Не найдя своих границ, я стал расплывчатым и неопределенным, как облако, способное принимать любую форму, но не имеющее одной своей. Но все равно, я знаю и чувствую, что этот несбывшийся человек все еще жив во мне: иногда я слышу, как ему тесно и неудобно в своей темнице, как он там ворочается и шевелится, пытаюсь вытянуть ноги и выпрямить спину.

25 октября

Опасности, которые угрожают моему сыну, неисчислимы: он может увлечься компьютерными играми, подсесть на наркотики, связаться с уголовниками или сектантами, стать гомосексуалистом, импотентом или, наоборот, сексуальным маньяком; он может быть несправедливо осужден, подвергнуться издевательствам в армии, попасть под дурное влияние сверстников, наконец, просто оторваться от жизни и уйти в себя, став изгоем для людей и общества. Я не говорю уже о всякого рода малых и крупных физических страданиях, некоторые из которых возможны, а другие – неизбежны, поскольку нет такого человека, который за всю жизнь ни разу бы не болел, не повредил и не сломал себе что-нибудь в большей или меньшей степени, а также о множестве других, более экзотических, трудно предсказуемых и плохо вообразимых опасностях, которые поджидают его (и тебя, и меня) в любую минуту и за каждым углом. Малейшая из этих горестей будет для него более существенной, наглядной и глубокой, чем любая из тех сомнительных и шатких радостей, в погоне за которыми он потратит свои годы. Но даже если ему и удастся стать редким исключением и прожить свою жизнь сравнительно благополучно, то есть без особенных мучений, в конце концов – и тут уже спорить не приходится – он должен будет умереть, пережить предсмертную агонию, предвидение и знание которой станет таким же неременным условием его существования, как давление атмосферного столба. А после смерти, если верить христианам, он отправится на вечные мученья в ад, где уж наверно проклянет не только Творца, который его туда послал, но и родителей, которые его зачали, – одного этого уже вполне достаточно, чтобы как следует подумать, прежде чем решиться завести детей. Есть только один маленький шанс, одна слабая надежда, что он получит от Бога благодать, уверует и спасется; но и она, если с «холодным вниманьем» посмотреть вокруг, кажется такой ничтожно малой и почти невероятной, что ею без особой натяжки можно пренебречь.

26 октября

Проснулся как будто на другой планете, более скверной и мрачной, чем вчера. Расхлябанность, тоска, отчаяние и страх – следствие дурного сна, в котором, в довершение всех бед, меня покусала бешеная собака.

Встаю перед зеркалом и смотрю на себя. Меня расстраивают мои безнадежно испорченные зубы, подслеповатые глаза, прыщавая кожа, перхоть в волосах, наивная улыбка, широко и безобразно растягивающая рот; после обеда угнетает непомерный объем и тяжесть живота. Скрещивая на груди руки, я со стыдом и отвращением чувствую немощность своих мышц. Я прихожу в отчаяние, видя себя на фотографиях и видеозаписях: не мое, а чье-то жирное, сытое, дышащее самодовольством и глупостью лицо, какую-то громоздкую тушу с двумя подбородками на бычьей шее, припухшие глазки и выпяченные губы, словно у помеси лисицы со свиньей. Но я доволен своим высоким ростом, широкими плечами, красотой, которая иногда тускло и слабо освещает мое лицо, как отблеск великой красоты матери. Стоя перед зеркалом, я инстинктивно стараюсь выбрать самые выгодные ракурсы, подтягиваю и группирую лицевые мускулы, смутно понимая, что в обычном свете, распущенное и обрюзгшее, оно выглядит совсем иначе.

Из страха перед ответственностью я педантичен, из страха перед будущим – запаслив. Мне нужно, чтобы в доме был основательный запас продуктов и чтобы их в любое время и в любом количестве продавали в магазинах. В моем шкафу всегда висит новый костюм – на всякий случай, – и я скорей соглашусь, чтобы он провисел там всю жизнь и его съела моль, чем стану его носить и тем самым тратить свой последний «резерв». Я даю читать жене все,

что написал, кроме самой последней вещи: эту я приберегаю про запас, чтобы было на что опереться и чем тешить свои надежды и тщеславие, если все остальное окажется плохим.

27 октября

Просыпаюсь, иду завтракать, сажусь работать – все это под постоянный и неистощимый шум дождя, в котором меняется только темп колотящей по стеклу воды. В доме стоит спертый и удушливый уют, точно осень накрыла город ватным одеялом и завалила его пуховыми подушками. Весь день чувство тяжести и сдавленности в слишком жаркой комнате, тюремная тоска, сквозь которую брезжит, как память и как возможность новой радости, предчувствие снега и зимы. На улице идут без зонтов мокрые школьники, клены за окном усыпаны каплями воды, как дуги парковой решетки, лужи на асфальте кипят небурно и спокойно, на медленном огне. Я пытаюсь работать и читать, но этот мелкий, сбивчиво-рассыпчатый, торопящийся дождь мешает сосредоточиться и утомляет слух, словно разговор болтливых соседей по комнате, которым нет никакого дела до меня и до моих занятий.

28 октября

С некоторых пор мне стало нравиться, что я живу в сравнительно спокойную эпоху, без особых катастроф и потрясений, с бытовым укладом жизни и привычным распорядком дня. Меня радует, что в городе нет комендантского часа и я могу возвращаться домой как угодно поздно (хотя бы мне никогда и не пришлось воспользоваться такой возможностью), что в доме хватает воды и света, а в магазинах – хлеба и молока; что в метро и электричках люди разговаривают и ведут себя по-человечески, естественно, по настроению, почти разумно, потому что могут позволить себе быть самими собой, а не следовать, как в другие времена, безумной диктатуре власти или стихийному движению толпы. Я радуюсь, что мое существование, и без того достаточно безрадостное, не ущемлено суровой дисциплиной и тяготами военного режима, что можно думать и дышать свободно, заниматься своими частными делами и тешить себя, как в детстве, то есть так же благодушно и безответственно, разными несбыточными мечтами. Плохо, что такое положение неустойчиво и зыбко, и стоит лишь слегка разворошить угли, как из них ударит пламя.

29 октября

Иногда я ясно чувствую свою способность к передаче впечатлений и послушность слова, но чувствую только как чистую возможность, потому что сказать мне нечего, не к чему ее приложить. Ее можно сравнить с просторным и прохладным залом, где все готово к началу торжественной церемонии, хотя никто не знает, кто в ней участвует и что она будет собою представлять, – а сегодня, похоже, зал так и останется пустым.

Хорошо быть заурядным и посредственным. Если нет никаких способностей, то ни за что и не отвечаешь. Меня бы это устроило. Я бы жил как живется, просто и спокойно, по собственному разумению и согласно своим склонностям, не заботясь об исполнении какой-то загадочной и едва посильной миссии, то ли возложенной, то ли не возложенной на меня Богом. Но меня гложет мысль, что из постыдной слабости и безволия я не реализую заложенных во мне возможностей, и я лезу вон из кожи, стараясь их раскрыть, или, по крайней мере, отчаиваюсь, если этого не делаю, или хотя бы отчаиваюсь по поводу того, что не чувствую даже отчаяния. Ибо карой за мое нерадение будет некий день, когда мне откроется все, что было мне дано и чего я не исполнил.

30 октября

Моя подруга Н. постоянно испытывает страх. От любого упоминания о том, что можно расценить как хотя бы отдаленную угрозу для нее или близких ей людей, ее бросает в дрожь. Она мнительна, суеверна, боится плохих примет и дурного глаза, старательно избегает разговоров на мрачные темы: сказать при ней, что кто-то заболел или, не дай Бог, умер, значит погрузить ее в глубокое уныние. То же самое относится к несчастным случаям и преступлениям, ибо все ужасы жизни она тут же примеривает к себе. Она боится, что заболит, если кто-нибудь чихнет в автобусе, что простудится, открыв холодильник, что проглотит с едой волос, который «обмотает кишки». Она закрывает все окна и щели, избавляясь от сквозняков, ест только тщательно отобранную и приготовленную пищу, годами не ходит к врачам из страха, что они обнаружат у нее какую-нибудь неизлечимую болезнь. Ей холодно даже в теплую погоду, у нее часто бывает слабость, нервность, раздражительность, дурное настроение; ее пугает старость, смерть, Страшный Суд и адские муки; во всех событиях жизни она предполагает и ожидает только самые худшие исходы. Ее может напугать даже невпадет сказанное слово, так как она опасается, что оно каким-нибудь мистическим образом может обернуться против нее. Разумеется, она осознает все эти качества, но говорит о них так, словно они составляют какое-то ее личное достоинство, предмет самоуважения и гордости, отличающий ее от остальных людей и дающий ей особые права. При всем том ее нельзя назвать угрюмым или мрачным человеком, наоборот, ей трудно отказать в веселости, общительности, легкости, вот только проявляет она их в основном с малознакомыми людьми, подругами и сослуживцами, тогда как вся тяжесть ее характера ложится на тех, кто живет с ней рядом.

31 октября

В течение всего утра, просыпаясь и снова проваливаясь в сон, представлял себе огромный дирижабль, который медленно и величественно двигался по воздуху, подчиняясь наклону поворотного руля. Этот невероятный дирижабль служил мне средством бегства, когда, увязнув в неприятном разговоре с родственниками (все происходило будто бы в провинциальном городке, месте рождения знаменитой в будущем актрисы, которая, продолжая все усложняющийся сон, уже в преклонном возрасте вспоминает, как в ранней юности она впервые приехала в Москву, великолепно-белую, заваленную снегом), я обрывал разговор на середине, и, сев в гондолу аппарата, поднимался в небо и летел на расстоянии нескольких сотен метров над землей, направляясь в сторону Франции. Потом в памяти вдруг всплывало имя императора Иоанна Цимисхия, и мой чудо-корабль превращался в целый боевой воздушный флот ромеев, обладавших, как выяснялось, допотопной и тяжеловесной, но довольно эффективной техникой. Я вообще плохо разбираюсь в дирижаблях, а во сне это представление было еще более смутным, поэтому он казался мне то какой-то цельнометаллической сигарой со стеклянным носом, то маленькой корзиной, привязанной к большому огурцу. Неизменным оставалось только удовольствие от мускульного усилия, за которым следовал плавный поворот царственной машины.

1 ноября

Моей кузине А. девятнадцать лет, у нее толстоватая, но «аппетитная» фигура, которая у многих, вероятно, возбуждает плотские желания. По сравнению с телом удивляет сравнительно утонченное и гораздо более одухотворенно привлекательное лицо. В разрезе ее глаз есть лисья хитрость и лукавство, волосы с натяжкой можно назвать рыжими, ее занимают только мальчишки, вечеринки и т.п.: интернет интересует ее именно с точки зрения знакомств. Тем не

менее глупой ее не назовешь, ум живет и бродит в ней, как подземная река, которая порой выходит на поверхность и блистает неожиданно находчивым ответом или остроумной шуткой. Высокомерие этого описания мне самому кажется отвратительным, хотя я всего лишь хотел быть беспристрастным.

2 ноября, понедельник

Снилось, что вместе с одним из своих студенческих приятелей, гомосексуалистом Т., я отправился обедать в ресторан. Заведение раньше процветало, и при нем было устроено что-то вроде пансиона или детского приюта, однако после кризиса оно обеднело и сохранило только одну небольшую комнату с голыми стенами, обеденным столом и стоявшей в углу кровати, застеленной старым, дурнопахнущим скомканным бельем. Нас провели в маленькую кухоньку, где я сел на стул и стал читать газету, пока мой товарищ отправился в зал, чтобы договориться об обеде с поваром или директором ресторана. Когда он вернулся, мы начали беседовать, обсуждая то, что я только что прочитал. Наконец, я отложил газету, заметив, что день уже кончается, а я еще ничего не ел. Т. отправился выяснять, почему мы так долго ждем, я слышал, как в соседней комнате он разговаривает с какой-то женщиной; наконец, нам сказали, что сейчас дадут поесть. Я пошел мыть руки и, взглянув в зеркало, увидел себя в виде смазливой мальчишки с длинными каштановыми волосами, с усмешкой подумав, что при такой внешности меня примут за любовника моего приятеля, тем более что за обед заплатил он. Наполовину проснувшись, я стал сочинять дневниковую запись по поводу посещения ресторана, которое, как мне казалось, состоялось на самом деле.

3 ноября

Первый снег.

Покров белый,
Упокой тело, убели душу.
Мели мелом
Грязь, рощу, школу и другую сушу.
Как все осиротело.
Телу зябко, душе скучно.

4 ноября

То, что я не развратен, не соблазняю женщин и не провожу всю жизнь, как многие другие, в поисках очередной любовницы, – недостаток и порок, а вовсе не достоинство. Это следствие внутренней ущербности, неправильного развития и несчастной ошибки, которая случилась, скорее всего, в отрочестве, когда поток эротической энергии, буйно рвавшийся наружу, заблудился где-то по дороге и ушел под землю, получив от этого особенно гнусный, подавленный и раздражительно-извращенный характер. Теперь, как и положено больному, я завидую сексуально здоровым людям и униженно признаю их превосходство, в полном согласии с общим мнением, которое снисходительно, с одобрением и даже восхищенно относится к подвигам развратности и донжуанства, но очень нехотя, с легкой жалостью и обидной усмешкой признает доблесть целомудрия и скромности. Если бы я вдруг уверовал в Бога и устремился к аскетизму, мне пришлось бы решать вдвойне трудную задачу: сначала освободить застрявшую во мне потенцию к развратности, приведя ее в естественный природный вид, а затем уже бороться с

этим вновь приобретенным качеством, как положено, правильно и честно, по всем канонам и инструкциям, изложенным в «Добротолубии».

5 ноября

Жалею, что не смог записать свой сегодняшний сон, который преследовал меня долгое время после пробуждения. Передать его значение можно было только косвенно, по свежим следам, подробно воспроизведя его детали. В таких абсурдных, насыщенных, психологически достоверных, изощренных сновидениях есть нечто не менее важное и ценное, чем то, что происходит наяву. Они питательны, существенны, способны открывать истину, укреплять, поддерживать, находить новые источники радости и смысла. Мне нравится мысль, что для полноценного существования жить не обязательно – достаточно только спать.

6 ноября

Зима «разыгралась не на шутку», нудная капель обманчива, потому что на улице «все уже бело». Голые ветки ожирели от снега, и сразу стало заметно, как их очень много: они почти вытеснили воздух, заполнив его сплошным переплетением мохнатых канатов и сетей, как снасти затертого во льдах фрегата.

По дороге с работы несколько раз сталкивался с одной пассажиркой, постоянно маячившей впереди меня. Это была высокая, узкая, светловолосая девушка в белом берете и бежевом пальто, с пакетом в руке и дамской сумочкой через плечо. Сначала я увидел ее у выхода из метро, потом она села со мной в один вагон, я догнал ее на мосту на станции, шел за ней по городу, через рошу и т.д. Все это происходило ненамеренно, но я начал опасаться, что, заметив мою фигуру, она примет меня за преследующего ее маньяка. Пасмурный вечер был мутно-романтичен: над улицей висел туман, фонари близоруко шурились изморосью, расплывчато и «дымно» горели желтые окна в старых трехэтажных домах по обеим сторонам дороги. Мы разошлись на перекрестке; поворачивая за угол, я представил, как она приходит в свою теплую маленькую квартиру, снимает пальто, включает телевизор и вытягивается в кресле, рассыпав светлые волосы по клетчатому платью, плотно облегающему длинную фигуру, как на школьных фотографиях моей сестры.

7 ноября

Я так долго и страстно мечтал о новом компьютере, но когда настало время действовать, испугался и не поехал в магазин. Покупки вообще для меня мучительны: я боюсь, что меня обманут и унижат продавцы, боюсь, что опозорюсь и допущу ошибку, за которую меня осудят и высмеют все, кому станет об этом известно. В магазине и на рынке я принимаю либо брюзгливо-холодный, либо глуповато-ребячливый вид (с полуидиота, мол, и взятки гладки) и по возможности стараюсь совершать все втайне от знакомых и родных, как и любое дело, в котором можно потерпеть неудачу, – чтобы в случае провала, по крайней мере, остаться наедине со своим позором.

8 ноября

Вернулся из М., где провел прескверный вечер с тестем, который напился и горланил на весь дом, нервируя ребенка, так что приходилось прилагать сверхъестественные усилия, чтобы тот «не ходил к дедушке». Сегодня еще более дурное настроение после фильма о чекистах: расстрелы голых людей, вместе мужчин и женщин, послушно раздевающихся в подвале, какое-

то потустороннее отсутствие стыда, методичная безжалостная бойня. Подыскать какое-нибудь оправдание или объяснение таким вещам невозможно, можно только зафиксировать их как противоестественный и рвотный факт, а лучше – схватившись за голову, прокричать в сердцах, что если *это* является условием для существования мира, то такому миру лучше совсем не существовать.

9 ноября

Как мне трудно прийти в волнение и как легко остыть. Посмотрел вчера на юную Софи Марсо и впал на некоторое время в романтическую грусть, преисполнившись сентиментально-томной, пошловато-возвышенной влюбленности в духе школьных стихов и дворовых песенок. Душераздирающая нежность, восхищение, сжатое слезами горло, жалость к самому себе, готовность с легкостью пожертвовать собой или совершить какие-то другие великие подвиги и поступки: вся эта незрелая подростковая каша, к которой возраст прибавляет только сожаление и горечь. Горечь прежде всего от того, что томление по женской красоте неутолимо, что красота эта тщетна и никому не нужна, ибо неузнанной, непонятой и невостребованной проходит через десятки или сотни мужских рук, и в таком случае уже неважно, пройдет ли она также и через мои. Горечь усугубляется еще и тем, что женщина, носитель этой красоты, сама ее не сознает: она хочет лишь того, что хотят все, и делает лишь то, что от нее хотят; и что мужчина, встречающий эту красоту, тайно или явно мечтает только как можно скорей ее обнажить и осквернить, поскольку это единственный известный ему способ избавиться от наваждения.

Когда в дело вмешивается секс со своими примитивными представлениями о том, что такое обладание и власть, появляется иллюзия, что женской красотой можно овладеть так же, как овладевают самой женщиной, что это практически одно и то же. Это все равно что думать, что можно оценить красоту персика, проглотив его и переварив в желудке.

10 ноября

Говорят, один психоаналитик, не имевший пациентов, научился анализировать сам себя. Он ложился на кушетку, закрывал глаза и, в качестве больного, отвечал на вопросы, которые задавал сам себе в образе врача, сидящего за письменным столом. Он утверждал, что это раздвоение было полным, то есть обе половины были автономны и независимы друг от друга, хотя и соединялись через него как через некое третье лицо, которое находилось в курсе действий их обоих. Это было приятное и интересное развлечение, но он прибегал к нему нечасто, опасаясь, что оно может привести к душевной болезни.

11 ноября

Из старой записной книжки. «К тридцати годам это был хорошо сохранившийся мужчина, смотревшийся на двадцать пять, с полувысокомерным, полурастерянным выражением лица, рассеянным взглядом близоруких глаз, увеличившимся брюшком, пока еще не заметным под рубашкой, широкой грудной клеткой и улыбкой деревянного шелкунчика, неожиданно ощерившего рот. На внешний вид он больше всего напоминал неуклюжего мальчишку, который начал разрушаться и стареть, так и не достигнув зрелости. Голос у него был сипловатый, неуверенный и ломкий, не без жеманства, тоже почти мальчишеский. С годами, то есть с неизбежным появлением морщин, костистости носа, дряблости кожи и выпадением волос, это сходство грозило стать еще более заметным и отталкивающим. Когда его спрашивали, в чем он видит смысл своего существования, он спокойно лгал, отвечая цитатой из какой-то книги: „В том, чтобы отпечатать свою душу на воске языка“».

12 ноября

Сегодня сильный мороз без снега, голубое небо и чистые прибранные улицы – во всем чувствуется утренняя бодрость и приподнятость, как перед началом военного парада. Но уже днем настроение меняется, чувствуется зимняя скудость и простота жизни, начинает рано темнеть, и в пять часов уже сумерки. Зато перед этим, как будто в утешение, небо раздвигает над городом громадную панораму заводских дымов, тянущихся над пустыми улицами. Каждый раз поражаюсь их разнообразному виду, с которым может поспорить только разнообразие облаков, – это как бы наши подручные, домашние облака, которые сидят на своих трубах, меняясь каждый час: херувимски-белые в ясный день, пепельно-сиреневые на закате, ослепительные и снежно-жирные во время грозы, словно выдавленные из тюбика в фиолетовую тучу.

14 ноября

Я давно устал от сознания своей ничтожности. Оно является причиной, а не следствием общей слабости и нерешительности во всем; оно сладкими угодливыми нотками проскальзывает в моем голосе, когда я разговариваю даже с родственниками; оно виновник моей терпимости и деликатности, которые при других обстоятельствах могли бы сойти за недюжинность характера или широту ума. В самом деле, я готов соглашаться с чем и с кем угодно – ведь я слишком неуверен, чтобы настаивать на своем. Но откуда и взяться этой уверенности, если за моими плечами нет ничего, чем можно было бы подтвердить весомость своих мнений, если в собственных глазах я всего лишь призрак, лишенный плоти и крови, который может рассеять самый легкий ветерок.

15 ноября

Начав писать этот дневник, я испытывал свежее и будоражащее чувство, будто кто-то читает эти записи прямо с открытого листа. Теперь оно исчезло. Я опять в своем кругу, и мне опять скучно и противно с самим собой. Снова можно расслабиться, зевать и ходить неприбранным, как ходят у себя дома, а не на улице или в гостях.

Порой я чувствую свою слабость как плотное физическое тело. Оно находится внутри меня в виде плоского диска пониже грудной клетки, заходя на нижние ребра, и дальше вниз, примерно до уровня колен. Оно сделано из белой бумаги, которая, если надавить пальцем, легко поддается, оставляя вмятину, и тут же выпрямляется опять.

17 ноября

Сделав шаг, чтобы выйти в мир, – шаг чрезвычайно трудный, почти равносильный подвигу, – с удивлением замечаешь, что никуда не вышел, а остался там же, где и был, то есть внутри, а не снаружи, и везде по-прежнему видишь только самого себя. После нескольких таких шагов (хотя было бы довольно и одного) начинаешь догадываться, что для того, чтобы куда-нибудь попасть, необходимо бесконечно далекое путешествие, такое тебе не под силу, и лучше сразу примириться с тем, что тебе уже не вырваться и не спастись.

18 ноября

Мое общение с ребенком – это долгий марафон, утомительный, многочасовой, с редкими перерывами на обед и другие посторонние дела. Все время надо быть напряженным,

что-то говорить, придумывать, рассказывать, объяснять и отвечать. Только иногда, в немногие секунды, когда я смотрю на него со стороны, я словно просыпаюсь: так этот мальчик, стало быть, мой сын, я вижу его не в кино и не на сцене, он живая и разумная душа, а не заводная кукла, не задача и не повинность, которую надо отбыть определенный срок, чтобы, с облегчением сбросив этот груз, вернуться к «нормальной» жизни.

20 ноября

На дворе сгребли в кучу сухую траву и сунули в нее зажженную спичку. Сено долго тлело и дымило изнутри, потом в центре появилась черная проплешина с огненной каймой и начала быстро разрастаться, на глазах съедая таявший в огне стожок. На короткую минуту над землей выросла огромная плавающая золотая ваза, окруженная плазменным нимбом, после чего костер упал и рассыпался искрами по тлеющей мякине, а ветер сдул остатки пепла.

21 ноября

Ты, Навуходеносор, смешное и несчастное животное, грезящее о несбыточных вещах. Даже не грезящее, потому что животные не грезят, а просто методично жующее свою жвачку; и только по некоторой рассеянности в воловьих глазах можно догадаться, что когда-то ты был человеком.

23 ноября

Еще один бесплодный и красивый день – снежный, празднично-белый, с фабричными дымами, торчащими из труб наклонно, как туго свернутые ковры. Никакой работы нет, третий день сижу за письменным столом, придумывая себе разные занятия, иначе наваливаются пустота и страх. Сегодня утро отравлено бесконечными колебаниями, откладываниями и внутренней борьбой: я не решаюсь позвонить в компьютерную фирму, чтобы сделать свой заказ, уже два раза поднимал трубку и клал ее обратно. В том, чтобы вот так, ни с того ни с сего звонить и разговаривать с незнакомыми людьми, есть что-то грубое и противоестественное, при одной мысли об этом я чувствую отвращение и упадок сил. Мне нужны предварительная подготовка, особенное настроение и основательная причина, чтобы сдвинуть себя с места и принудить к общению, хотя в любом случае я делаю это только через силу, главным образом от стыда и презрения к себе.

24 ноября

Большую часть дня провел в разговорах с женой, выясняя, правы ли донатисты, утверждавшие, что таинства, которые осуществляются через греховного священника, недействительны. Обсуждали, в чем сущность христианских таинств и нужен ли вообще для них посредник или они осуществляются напрямую от Бога к человеку: если все равно, греховен или чист творящий их посредник, то зачем тогда вообще он нужен, неужели так важно чисто обрядовое движение брызгающей святой водой руки, надо ли придавать ему значение магической формулы и жеста и т.д. Обо всем этом я способен увлеченно говорить с неверующей, как и я, женой, но мне скучно и досадно говорить об этом с мамой, искренне верующей, но не слишком сильной в богословии, словно речь в этих случаях идет о совершенно разных вещах.

25 ноября

Не способен ни работать, ни предаваться праздности; ни наслаждаться жизнью, ни отказаться от нее; ни достигнуть истины, ни оставаться в заблуждении. Я как армия, захватившая небольшой плацдарм на другом берегу реки, которая не в силах преодолеть сопротивление противника и продвинуться вперед, но не может и отступить обратно: во-первых, потому что отступать ей некуда, а во-вторых – зачем тогда вообще было переходить через реку.

26 ноября

Происходит все, что может происходить, независимо от того, насколько это глупо, жестоко, несправедливо или невообразимо страшно. В жизни, как в пьесе Чехова, если ружье висит на стене (а оно всегда там висит), то оно должно выстрелить.

Если бы моя жизнь сложилась иначе, множество наклонностей, подавленных или совсем угасших, расцвели бы во мне в полную силу. Например, склонность к гурманству, страсть к путешествиям, собирание ценных вещей, не только художественных, но и таких, как холодное оружие или роскошные машины. А сейчас они только праздно и бесполезно торчат из меня во все стороны, как пучки оборванных проводов.

27 ноября, пятница

С удивлением узнал, что начальник несколько раз настойчиво интересовался моей личной жизнью: дружно ли мы живем с женой, разделяет ли она мои интересы, смотрим ли мы по вечерам телевизор, читаем ли книги и т.п. Об этом сообщила моя племянница, которая работает вместе с начальником и которую он иногда подвозит домой на своей машине. Мать предположила, что причиной такого интереса явилось то, что дочь начальника одно время была в меня влюблена. Такое предположение, конечно, мне польстило, тем более что для него были кое-какие основания: я сужу об этом по некоторой растерянности, которую она проявляла в моем присутствии, и еще по тому, что как-то вечером, когда я встретил ее вдвоем с подругой, та многозначительно спросила: «Это он?» Кстати вспомнилось, что когда-то в меня будто бы была влюблена соседка с третьего этажа, во всяком случае, так передавала мне мать, сам я эту соседку, кажется, никогда не видел. В конечном счете все это вызывает во мне только грусть и сожаление, ведь такая заочная симпатия является не чем иным, как заблуждением, я был бы не способен оправдать их ожиданий, ничего, кроме разочарования, своим полуанонимным поклонникам я не мог бы принести.

30 ноября

Я должен быть предельно искренним, прежде всего из отвращения к тому, что миллионы людей проходят через жизнь безмолвно, неузнанные и никому не нужные, и пропадают без следа – так к чему носить еще и маску? К тому же искренность – это своего рода знак отличия за трезвость анализа и ясность мысли. Я неглуп, но ум у меня смутный и растерянный, мало сказать «нечеткий», а намеренно избегающий дисциплины и профессионализма: ум сметливого, даже не без способностей, но ленивого и развратного ученика, из которого заведомо не выйдет ничего серьезного. В остальном мои дела и вовсе плохи: ни силы, ни смелости, ни характера; угрюмый, пасмурный, необаятельный, напыщенный позер и неудачник с манией величия и грязнотой в душе. Странно, что при моих здоровых плебейских корнях мог получиться такой вырожденец, как я, – как струя вонючей жижи из чистой как соль земли. Среди моих предков были только крепкие и волевые личности, крестьяне, ремесленники, рабочие, люди цельные, без изгибов, хорошо укорененные в жизни. У деда по матери, например, была

авантюрная жилка, у отца – негиббемый характер; но я, как отстойник, собрал в себе все их недостатки, которые были незаметны по крупницам и которым пришлось объединиться во мне, чтобы проявиться в полную силу. Взамен мне была дана одна лишняя прихотливая извилина ума – не корень и не стебель, а так, что-то вроде усика плюща, висающего в воздухе и не знающего, за что зацепиться.

2 декабря

Лучшее время дня – утром в постели, когда можно долго не вставать. Проснуться на минуту и опять уйти в сон, под большое одеяло, в спасительную дремоту. Нежиться в утробной темноте, прячась между вымыслом и явью, радоваться, что тебе ничто не угрожает хотя бы до тех пор, пока ты не выходишь за пределы самого себя. Вылеживаться до последнего, как лежит в норе зверь, пока его поджидают наверху охотники.

Лень, как дьявол в старину, нашептывает мне на ухо: «Не пиши, не мучайся, не заставляй себя, все равно это бессмысленно и никому не нужно; все это лишь тщета и суета сует». Что я могу ей противопоставить? Не такую мощную и всепобеждающую силу, как любовь к Богу, – всего лишь человеческое тщеславие и, может быть, немного стыда. Но не все мои источники безнадежно мутны: пусть я не медиум, не проводник для высшей силы, но в определенном смысле все-таки и медиум, и проводник. Я чувствую, как что-то может и хочет сказаться через меня, только не помимо моей воли и усилий, а я не выполняю своего долга, не оправдываю возложенной на меня ответственности: вот почему мне стыдно.

4 декабря

Вчера день рождения жены: днем поездка в Макдональдс, вечером вино и мясо в узком кругу – мать, жена и я. Жена постоянно жалуется на тошноту, я мучаюсь простудой, раздувшей верхнюю и нижнюю губу. Несмотря на это, по-прежнему подолгу разговариваем обо всем, включая подробности из жизни ее подруг. Из немногих знакомых мне людей больше половины – то есть значительную часть известного мне мира – я знаю только по рассказам своей жены, через ее восприятие и описание. Она как дополнительный орган моего зрения и слуха, вообще души, вообще жизни.

Сегодня снова бесконечный разговор о вере, о спасении и о проблеме зла. Мы начинаем разговор утром в постели, продолжаем на кухне во время завтрака и затем, вернувшись в комнату, беседуем еще полтора или два часа. Непонятно, что это – пустое словоблудие, ни к чему не обязывающие рассуждения, которые можно считать еще одной разновидностью греха, или все-таки маленький шаг вперед, правда, настолько маленький, что при определенном угле зрения его можно принять за движение вспять.

12 декабря

Муж старшей из моих племянниц, человек, имеющий хорошее техническое образование, физически натренированный, легкий и напористый в общении с людьми, не просто активный, а необыкновенно энергичный, волевой и верящий в себя, перенесший, несмотря на то, что много младше меня по годам, немало испытаний, накопивший уже большой опыт и готовый встретить в жизни любые неурядицы, – такой человек как нельзя лучше подходит для того, чтобы подчеркнуть мои недостатки. Если бы не его интеллектуальная закваска, людей такого сорта, как я, – то есть немощных, мнительных и никчемных, не умеющих ничего делать своими руками, – он должен был бы искренне презирать; разве что многочисленные книги, про-

читанные мной и стоящие на полках, могут вызвать у него некоторое уважение. Будь я тощим дореволюционным интеллигентом в неубедительном пенсне, а он – крепышом-рабочим, жадно тянущимся к знаниям, наши отношения были бы predeterminedены его быстрым прогрессом в области культуры и моей постепенно проявляющейся несостоятельностью во всем остальном. Но теперь ситуация менее типичная и более расплывчатая, она определяется скорее разницей характеров, когда один, слабый, робкий, но при этом завистливый и себе на уме, с неприязнью относится к представителю более крепкой породы, ревнуя к его подвигам, на которые сам не способен, и компенсируя эту зависть несколько снобистской и созерцательной надменностью «аристократа духа».

13 декабря

Простодушие и прямолинейность – большой порок, которым я страдаю с тех пор, как повзрослел. Нет во мне больше болезненной сложности юности, подозрительного и многослойного отношения к реальности, то расслабленно терявшей четкость, то становившейся преувеличенно резкой, как в расстроенном бинокле. Мир устойчиво и прочно встал в раз и навсегда пригнанную раму. Скучная плоскость и предсказуемость моих поступков – одно из проявлений и симптомов деградации; нет никаких экспериментов, даже мысленных, с жизнью и людьми, нет и желания таких экспериментов. Как фигурка в настольном хоккее, я могу двигаться только в узкой прорези, поворачиваясь направо и налево, да и то не слишком далеко.

Что касается отчаяния, то оно не придает мне царственного кругозора и тем более дьявольского очарования в глазах женщин, как следовало бы по Кьеркегору. Скорее оно похоже на маленького домашнего зверька, серого и невзрачного, с неострыми и некрепкими зубами, которого я люблю кормить с рук и иногда треплю за уши. Никто не знает о его существовании, он прячется в моей комнате от чужих глаз, потому что вид у него совсем не привлекательный, и у посторонних способен вызвать больше брезгливости, чем интереса. Когда я на работе, на улице, среди людей, по моему лицу невозможно догадаться, что за жилец сидит у меня дома; но никто особенно и не стремится проникнуть в эту тайну.

15 декабря

Двадцать градусов мороза. За окном видна остолбеневшая от холода улица и седовласый иней, который свисает с веток косматыми прядями, как сказочный мох. Я сижу за столом в дремучей чаще, сквозь которую не летит, а с трудом проталкивается осыпающая снег ворона.

Толстой записал где-то в дневнике, что не сможет быть счастлив, если не купит каких-то особенных породистых свиней, которых он видел у своего приятеля. Мой компьютер – это те же свиньи, дошедшие до степени навязчивой идеи, и избавиться от нее можно только двумя способами: раз и навсегда отказавшись от покупки или как можно скорее ее совершив. Что я и собираюсь сделать сегодня вечером – чтобы узнать, по крайней мере, что почувствовал Толстой, глядя на свиней, хрюкавших в его загоне.

17 декабря

Мой друг М. ненавидит бедность за то, что она ограничивает его возможности. Духовные ценности он ставит намного выше плотских, однако люди, увлекающиеся, например, классической музыкой, но при этом неряшливо одетые, ужасно причесанные, пренебрегающие своим внешним видом, потому что они «выше этого», вызывают в нем раздражение. По его представлениям, пренебрегая всеми этими вещами, они добровольно суживают свой кругозор и ставят себе ненужные границы. Он же хотел бы ничего не упускать из виду, быть всюду, всем и всеми,

понимать в равной мере и шеголя, и бедняка, и философа, и слесаря. Всякое отрицание ему неприятно, всякое непонимание и отчуждение, холодом проходящее между людьми, приводит его в уныние. Он, конечно, понимает, что такой подход к жизни тоже есть отрицание, например, ограниченности, и что невозможно жить неизбирательно, впитывая в себя все подряд и не раздавая никаких оценок; но у него нет желания разбираться в таких противоречиях, он просто свободно и без особых рассуждений следует склонности своей природы.

18 декабря

С недавних пор ношу на улице очки и с удивлением смотрю на четкий и красивый мир, которого до этого почти не знал. Больше всего удивляют лица, чаще малопривлекательные, но иногда доставляющие наслаждение неожиданно острой, характерной и неповторимой красотой. Раньше я боялся ходить в очках, представляя, как глупо и ущербно выгляжу в них со стороны, но теперь хотя бы иногда нахожу в себе силы наплевать на себя и самоуничтожиться, превратившись в жадно смотрящий глаз. Пройтись по улице в очках – роскошное развлечение, более увлекательное, чем умная книга или высокодуховный фильм. Через толстые линзы стекло мир поражает своей резкостью: миниатюрно-чистый, избыточно мелкий и подробный, как своя сильно уменьшенная копия, но при этом проработанный во всех деталях, везде неизменно достоверный, совершенный и живой. Такой он сейчас в этот пасмурный вечер в центре Москвы – прозрачный и почти черный, с холодными гнилушками светящихся домов и рекламными вывесками, которые превратили мокрую брусчатку мостовой в раскисшую палитру.

19 декабря

Я испытываю слабость духа в незнакомых помещениях, особенно служебных, – с их чужой устоявшейся атмосферой, с застарелыми запахами и специфичным освещением, с неизвестным мне, а кому-то хорошо знакомым распорядком дня, с давно и прочно укоренившейся жизнью, грубо выталкивающей чужака.

Когда я встречаю идею, которая меня внутренне не устраивает, я не пытаюсь опровергнуть ее встречным рассуждением, а вспоминаю какую-нибудь мелкую деталь из реальной жизни, какое-то побочное впечатление или незначительное чувство, и говорю себе: вот эту деталь и это чувство эта идея не учитывает, значит, она и неверна.

С болезненной ревностью отношусь к молоденьким сестрам своих знакомых, приятельницам родственников и дочерям сослуживцев, когда они неожиданно выходят замуж. Все женщины должны быть мои: они должны любить одного меня, выходить замуж за меня, спать только со мной; или пусть остаются незамужними и страдают в одиночестве.

Я открываю свой дневник с отвращением, листаю его настороженно, читаю со страхом, каждую минуту боясь наткнуться на какую-нибудь глупость или гадость, и эти опасения почти всегда оправдываются. Нет ни одной записи, которой мне не хотелось бы исправить и в которой не заключалась бы, так или иначе, какая-нибудь фальшь.

Если бы я всегда придерживался о себе дурного мнения, то и жил бы, наверно, гораздо лучше. Но от искренних самообвинений и горького сознания своей неполноценности я так быстро и незаметно соскальзываю в глупое самодовольство, как будто одно есть естественное продолжение другого. Я постоянно впадаю в тупость, в благодушную вседозволенность, в нежелание и неспособность заглядывать внутрь себя и отвечать за свои поступки, превращаясь в такого пассивного мистера Хайда, который почти автоматически, без сомнений и рассуждений, следует своим желаниям и совершает любую гадость. Такой нравственный и умственный сон продолжается большую часть суток, иногда он длится целыми днями и даже неделями, и я не могу с ним бороться или его остановить, он поглощает меня целиком.

20 декабря

Вечером 18-го числа заболела жена. Ночью она плохо спала, все время сглатывала слюну, раза два вскакивала с вскриком: ей казалось, что у нее страшно распухло горло и она не может дышать. В половине девятого утра, проснувшись в очередной раз, она встала с постели, сделала несколько шагов и вдруг стала задыхаться – с шумом втягивала в себя воздух, но не могла вдохнуть, босиком бегала по комнате, хрипела и шептала «помогите», хватала меня за руки, глядя в лицо раскрытыми от ужаса глазами. Вскоре приступ прекратился, но через полчаса повторился снова, с той же паникой и ужасом. Я не понимал, что с ней происходит, вначале думал, что ей в дыхательное горло попадает слюна, которую она все время сглатывала, потом решил, что у нее действительно сжалось и распухло горло, потом – что это какие-то нервно-физиологические спазмы. Я уговаривал ее успокоиться и не поддаваться страху. Через некоторое время приступ повторился в третий раз, теперь с утробным кашлем и отчасти рвотой; но на этот раз ей удалось сосредоточиться и взять себя в руки: она стояла в ночной рубашке над кухонным столом, опершись на вытянутые руки, и повторяла: «Да... да... сейчас... сейчас...», борясь у меня на глазах с накатывающим на нее удушьем.

И чудо произошло: она сумела справиться с собой, страх отпустил, спазмы прошли и больше не возвращались. Болезнь оказалась обычной простудой – больное горло, кашель, насморк и т.д., но те несколько минут, когда она пережила страх смерти и сумела его перебороть, возможно, сделали ее более уверенной в себе.

22 декабря

С жизнью надо примириться так же, как безнадежно больные примиряются со смертью.

24 декабря

Зима скисла, съезжилась, опала, как тесто на плохих дрожжах. Затем ударил мороз, и все машины на улице вмерзли в лед, как баркасы на реке, теперь уже до весны.

Читая дневники Толстого, с наслаждением встречаю описание дождя, какой-нибудь липы у тропинки, почти вздрагиваю от удовольствия – и потом опять с вялым и скучным интересом, по обязанности, возвращаюсь к его мыслям о правительстве, прогрессе, братской любви и единении, этому сухому и узкому морализаторству, которое для кого-то, возможно, и представляет главный интерес. Мнимая убедительность его рассуждений, приправленных насмешкой и эффектным недоумением единственного здравого ума, видящего нелепость всеобщих заблуждений, – чисто литературный прием. Назидательнейшие схемы: «трудящийся народ» свят и мудр, все богатые бездельники и паразиты, искусство – «пустяки», «игрушка»; Чехов «лжет», Достоевский нескладен, Ницше – сумасшедший; ученые – сплошь ограниченные люди, а верующие христиане – душевнобольные, с которыми не о чем даже говорить.

29 декабря

Тошнит от морализма Толстого. Если он говорит об искусстве, то непременно вернет о «паразитах» и «трудовом народе». Представил, как он проповедует свои идеи молодой, красивой, умной девушке, влюбленной в декадентов и новое искусство, и она отвечает ему, не горячась, сдержанно, но с сожалением: «Вы не любите людей, не любите искусства, не любите этот мир, не любите жизни, вы обкорнали себя со всех сторон. Вы как садовник, который, чтобы

правильно росло дерево, решил обрубить ему все корни. Как вы могли зайти в такой тупик?» И он, Лев Толстой, с ужасом понимает, в какой он зашел тупик.

30 декабря

Божье царство есть везде, кроме свободной воли, то есть везде, кроме человеческой души и всех ее проявлений, то есть человеческой жизни вообще. Мы живем на острове зла, окруженном океаном блага. Царствие Божие везде, только не внутри нас.

1999

3 января

Накануне Нового года неожиданно заболел ребенок. 31-го числа он начал задыхаться, вызвали врача, диагноз – астматический бронхит. Мы с женой помчались с лекарствами в М. В электричке, чувствуя, что погружаюсь глубоко в себя, в свои мысли о сыне и его болезни, о дьявольской несправедливости происходящего, стал нарочно вытаскивать себя наружу: оглядывал вагон, пассажиров, думал о том, кто эти люди и куда они едут, удивляясь их будничному, усталому, совсем не новогоднему и не праздничному виду. В утешение себе размышлял, что не все сегодня будут праздновать и веселиться, кто-то в этот день работает, другой серьезно болен, третий сидит дома в одиночестве, охваченный тоской и отчаянием. Приехали около семи вечера. Сын чувствовал себя плохо, дышал со свистом, тяжело отдувался, как старик, все время пытался играть, но ложился на диване на подушку и лежал так некоторое время, потом снова вскакивал и начинал играть. Сидя рядом с ним, я чувствовал почти непосильное напряжение жалости и страха. В десять часов он заснул, мы вчетвером, включая родителей жены, сели на кухне за стол и выпили шампанского, но не прошло и двадцати минут, как ребенок вновь проснулся, стал плакать, кричать, что у него болит горло, никого к себе не подпускал, не хотел пить молоко, и его ничем нельзя было отвлечь и уговорить. С трудом удалось его успокоить, для этого принесли подарок, приготовленный «под елку» (большую собаку-далматинца), и понемногу он пришел в себя, перестал кричать, выпил молока и во втором часу заснул. Мы тоже легли. На улице в это время шла непрерывная стрельба фейерверков, петард, хлопушек и ракет, под окном и у соседей играла музыка, во дворе слонялись, пели и орали подростки, мальчик то и дело вскрикивал, мы с женой застывали в ужасе, что сейчас он проснется и все начнется сызнова. На протяжении всей этой ночи я часто молился Богу, как обычно, торгуясь с Ним, обещая отказаться от того-то и того-то (уже не помню, от чего), если ребенок спокойно проспит до утра, несколько раз крестился тайком от жены. Я говорил: не разочаруй меня, потому что если Ты не ответишь и не поможешь мне, я потеряю и те слабые зачатки веры, которые у меня есть. В седьмом часу, когда ребенок начал беспрерывно кашлять, я стал креститься, и он замолчал; тогда я сказал себе: до тех пор, пока я буду креститься, он будет молчать; и я крестился довольно долго, несколько минут, все больше проникаясь умилением и благодарностью Богу за то, что Он услышал меня и сотворил такое чудо; раза два от усталости и сонливости переставал креститься и потом снова начинал; и ребенок действительно больше не кашлял и молчал. Напоследок я поклялся Богу, что никогда не забуду этого случая и того, что Он сделал, после этого заснул на час или полтора и проснулся вместе с остальными.

На следующий день, первого января, у сына поднялась температура, но к вечеру немного спала. Я сидел, говорил и играл с ним почти непрерывно, за исключением дневной прогулки, пока он спал. У него сильный насморк и кашель, дышит по-прежнему тяжело, но лучше, чем раньше. Ночь прошла сравнительно хорошо. Утром 2-го страшно поссорился с женой из-за того, что решил этим вечером уехать домой и вернуться 4-го с утра, а она должна была остаться:

мы кричали друг на друга в полный голос, потом я выбежал на улицу и вернулся через час, успокоенный и даже виноватый, но решив твердо и ожесточенно стоять на своем. Уехал к вечеру на машине с Ж., который привез из Л. старый компьютер, с женой так и не поговорил и не примирился.

5 января

То, что я женат, позволяет мне спокойно и уверенно, с сознанием собственного достоинства и без всяких угрызений совести, а главное – не вызывая косых взглядов и вопросов, целыми днями сидеть дома и ничего не делать. Будучи женат, я никого не ищу, никуда не рвусь, не предпринимаю никаких действий, кроме самых необходимых, не испытываю никаких желаний и только пассивно и несколько самодовольно примиряюсь с самим собой и с жизнью. Другое дело, если бы я был холост. Тогда продолжительное сидение дома в одиночестве показалось бы всем – и мне самому – чем-то противоестественным: я бы тут же начал чем-то заниматься, поехал бы к своим старым друзьям или принялся искать новых, постарался бы обзавестись любовницей, стал бы больше общаться с людьми и так или иначе сталкиваться с миром, моя жизнь сделалась бы более активной и неудовлетворенной. Но, слава Богу, я женат, индульгенция мной уже получена, галочка против моей фамилии поставлена и все внимание отныне уделяется другим.

6 января

Источник всего зла в мире, по Льву Толстому, – это религиозное воспитание: надо только воспитывать детей в истинной религии, и тогда все и со всеми будет хорошо. Церковная вера – результат гипноза, полученного в детстве, от которого потом всю жизнь не могут избавиться; православные верующие – нравственно и умственно больные люди, сумасшедшие. Кроме того, православие – это колдовство, способ избавиться от страха смерти и страданий за счет веры в чудеса.

Вообразил себе газетную статью того времени, приблизительно такого содержания: «Граф Толстой не добр, а стремится к добру, все время напоминает себе о добре, заставляет себя быть добрым. Видно, что ненавидеть и обличать ему гораздо легче, чем любить, и когда он пишет в дневнике о любви, это производит тягостное впечатление. В его статьях мало воздуха и света, но крепок и силен замкнутый сектантский дух: «мир во зле лежит», всюду обман, ложь, разврат, похоть, пресыщенная праздность богачей и благородная скромность бедняков. Первые живут в искусственном и извращенном мире красивых вещей, одежд, духов, зеркал и других «гладких поверхностей», а вторые наслаждаются природой, нравственно чисты, близки к Богу и т.д. Используя свой незаурядный ум, он с легкостью обо всем рассуждает, выводит следствия, примеривает свой универсальный ключ – «любовь» – ко всем запорам и замкам, но странное дело: чем больше окон и дверей он открывает, тем темнее и унылее делается в доме. Причина, очевидно, в том, что свое стремление к аскетизму, индивидуально, может быть, вполне здоровое и нужное, гр. Толстой тиранически и доктринерски распространяет на весь мир и всех людей, мимоходом ставя свое клеймо на все, что попадется под руку. Избегая всех соблазнов, он не избегает только соблазна поучать и обобщать, и именно это обстоятельство превращает его «добро» во зло».

9 января

В метро, спускаясь вниз и глядя на соседний эскалатор с поднимавшимся вверх потоком пассажиров, вдруг представил, что мой мозг окружен только тонкой перегородкой, за которую

могут хлынуть мысли, чувства, желания, память всех этих людей. Потом вспомнил, что ни один человек не может проникнуть в другого изнутри, потому что нет просто человека, а есть человек и связанный с ним мир: мир одного не может войти в мир другого, ни в одном из них нет места, каждый уже весь, до отказа заполнен самим собой, нет ни малейшего отверстия, в которое можно втиснуться чужой душе.

10 января

Свинцовая тяжесть по утрам, как у зимнего медведя или у лесника, придавленного упавшим деревом; не могу даже поднять руку, чтобы взглянуть на часы. Такой душе, как у меня, – грузной, сытой, с головой увязшей в плоти, – будет трудно расставаться с телом.

Днем ехал в Москву вдвоем с сестрой, чувствуя от этого неудовольствие и стесненность, как при общении с малознакомым человеком. В электричке сидели друг против друга, и за разговором я поневоле вглядывался в ее лицо – обычно я отвожу глаза – с неловкостью и удивлением, видя его как бы в первый раз: круглое, немного вялое, почти незнакомое, вызывающее жалость и смущение за эту жалость. Я наверняка в тысячу раз хуже ее, а сам высокомерно и напористо что-то ей доказывал и разъяснял, не в силах убрать из своего голоса надменные поучающие нотки. Между тем кому, как не мне, знать, что в душе я гад и мразь, что в глазах каждого, кто думает обо мне хоть сколько-нибудь хорошо, я самозванец и шарлатан, которому следует только смиренно молчать и молить Бога о прощении.

12 января

Проснулся в семь утра вместе с женой, которой надо было ехать на работу, но не встал, хотя это потребовало бы от меня только небольшого душевного усилия. Вместо этого решил полежать еще полчаса, пока жена будет завтракать, потом – пока она будет одеваться, и в итоге долежался до своих обычных десяти часов. Моя воля не привыкла, чтобы ее слушались, она отступает раньше, чем успевает настоять на своем, – отступает в страхе и смущении перед тем количеством лжи, сытости и тупого равнодушия, которое ей придется преодолевать, вздумай она упорствовать. Я могу преодолеть себя только ради ответственности перед другими людьми, а когда дело касается одного меня, мне ничего не стоит нарушить все данные себе клятвы. Впрочем, и в том, что касается других, я жертвую собой лишь с трудом и отвращением, через силу, не от любви и добролюбия, а из страха и стыда перед мнением людей и перед теми угрызениями совести, которые, возможно, заставят меня страдать в будущем. Правда, мои нравственные ориентиры от этого никак не меняются: к горизонту невозможно приблизиться, но от него нельзя и отойти.

15 января

С утра все то же – пассивность, пустота в душе и мыслях, желание чем-нибудь отвлечься, позабыться, нежелание предпринимать какие-либо усилия; от праздности и безделья все время хочется есть. Если бы я хоть что-то делал, что-то создавал, нравственно и умственно трудился, на худой конец, зарабатывал «большие деньги»: если бы я хоть чем-то мог себя оправдать. Между тем даже завтрашняя двухдневная поездка к сыну приводит меня в уныние, потому что на эти два дня я как бы перестану существовать. Жить для меня означает: размышлять, читать, что-то записывать, мечтать о будущих успехах. Для этого мне нужен весь день и с самого утра быть дома, желательно в полном одиночестве, за пределами своей квартиры я начинаю чувствовать и думать по-другому.

19 января

Пасмурное небо вдруг прояснилось, вышло солнце, и сразу изменилось настроение и мысли. Бодрость, сосредоточенность и простота в душе, чувство умственной потенции, натягивающей какую-то внутреннюю тетиву.

Вышел на улицу – там солнце, оттепель, лужи, брызги, мягкий ветер, благодать. Дух весны так силен, что чувствуется даже под землей в метро, особенно почему-то в поездах. Даже расклеенные в вагонах рекламы необъяснимым образом намекают на весну. И на улице хорошо – независимо ни от чего, ни от прошлого, ни от будущего, ни от каких-то своих успехов или неудач, беспричинно и весело хорошо.

23 января

У мясного ларька стоит бездомный пес – гладкий и лысый, желтовато-белой масти, с черными глазами, – и выжидательно смотрит на выстроившуюся у окошка очередь. Вид у него такой, словно он расположился здесь надолго и готов стоять еще хоть целый день. Ему даже не нужно подходить к кому-нибудь, обнюхивать и просительно махать хвостом – само его присутствие тут, возле ларька, у всех на виду, достаточно красноречиво. Проходя мимо, я внимательно его разглядываю (благо это не человек и можно сколько угодно, не стесняясь, на него смотреть), и он, поймав мой взгляд, на мгновение умильно щурится, а его глаза в тот момент, как отворачиваются обратно к очереди, приобретают человечески разумный и добрый вид; но потом он уже на меня не смотрит, он смотрит только на людей, которые стоят в очереди и могут ему что-нибудь дать.

24 января

Молодой человек в метро цокает набитыми на сапоги подковами, и все, кто идет рядом, оглядываются и смотрят на его ноги, некоторые хихикают, а я, как всегда, краснею и страдаю за неловкость положения. Смех усиливается, когда подковы, ровно цокавшие по кафельному полу, начинают уже в другом тоне, еще более звонко и вызывающе, гроыхать на ступеньках лестницы. Сам он нисколько не смущен, наоборот, довольно усмехается в свои белесые усы.

27 января

Проснулся в семь, потом не бодрствовал и не спал, два часа лежал плашмя, как придавленная прессом глина, угнетенный своей немощью и бесцельностью начинающегося дня. Рассветало медленно и трудно, внизу, на первом этаже, кричал младенец и доносился голос его матери, развлекавшей его каким-то улюлюканьем, я прислушивался к ним тревожно, даже с ужасом, весь напрягшись в ожидании, удастся ли ей успокоить малыша. У жены с утра болел кишечник, и этот скверный факт, плюс необходимость делать служебные звонки, плюс неспособность сегодня, как вчера и завтра, заняться настоящим делом, которое могло бы послужить опорой и спасением, какой-нибудь осмысленной, живой, растущей каждый день работой, постоянным и надежным источником утешения и счастья, – все это привело меня к мысли, что я не могу и не хочу бороться ни с какими «трудностями», а кроме того, боюсь смерти. Я удивлялся, как мне хватало смелости и твердости спокойно думать о ней раньше, и в то же время не понимал, как можно жить с таким безнадежным и бессильным отвращением к самому себе. Любое испытание, приди оно в эти минуты, показалось бы мне непосильным и убийственно тяжелым. Но как бывает, что с утра чувствуешь себя разбитым и больным, а к обеду незаметно

разгуляешься, так и я «разгулялся» от этих настроений и до вечера сидел за столом почти спокойный, лишь слегка унылый, сделав все нужные звонки и отложив остальные заботы до утра.

29 января

Сон о котах, которые научились подчинять себе людей: для этого им достаточно обхватить у человека ноги, руки и в особенности голову, после чего тот перестает их замечать и находится в их полной власти. Об этой тайне знаем только я, моя жена и несколько друзей, мы повсюду видим людей с котами на плечах и головах, но сами держимся начеку и бросаемся отрывать от себя и от других ластящихся к нам котов, стараясь в то же время объяснить положение вещей остальным непосвященным, которые с удивлением и даже возмущением наблюдают за нашими действиями. Все происходит внутри какого-то дома, за пределами которого коты не имеют власти над людьми.

30 января

Страшно смотреть утром в зеркало: какое-то свиное, набрякшее сном и тупостью лицо с нездоровой и нечистой кожей – не лицо, а маска порочного клоуна. Представил себе государство, в котором все ходят с задернутыми тканью лицами: показать свое лицо на людях считается верхом бесстыдства, то же относится к почерку и фигуре, сожалеют, что не могут скрыть свой рост. Самые последовательные полагают недопустимым выражать свою индивидуальность посредством жестов или речи – довольно и того, что простой факт твоего существования уже бесцеремонно навязывает тебя другим, непристойно выставляя напоказ твою интимную сущность. Идеально воспитанный человек должен пребывать несуществующим.

1 февраля

Из новостей: под Москвой два сторожевых пса растерзали пятилетнюю девочку, случайно забредшую на чей-то дачный участок. Все произошло без свидетелей, никто не пришел ей на помощь, ротвейлеры отгрызли ей голову и часть ноги. Такие истории вызывают шок, заставляя на время очнуться от душевной анемии, как будто я крепко сплю, а меня трясут за плечо с тревожной вестью. Я и сам хочу, чтобы мою душу терзали этой болью, чтобы ее расталкивали и будили, но это страдание не должно быть слишком продолжительным и сильным, такой боли я не могу себе желать.

2 февраля

Утром снова не встал, как запланировал, в шесть часов, а проспал до девяти, хотя накануне легли в одиннадцать. Произошло это даже не из-за безволия, а от простой скуки, оттого, что такой подъем показался неприятным и противоестественным, а главное – совершенно бесполезным. Я чувствую, что не хочу работать, и это «не хочу» гораздо сильнее, чем «не могу». Мои замыслы не желают воплощаться: едва зародившись, они хиреют от сознания своей ненужности. Заниматься литературой – это все равно что делать ключ, который заведомо не подойдет ни к одному замку и за ненадобностью будет валяться в жестяной коробке, куда складывают всякую дребедень вроде пустых стержней для авторучек или вышедшей из употребления мелочи.

3 февраля

Вместо сжатой в кулак воли чувствую в себе какой-то влажный комок: тронешь его, и останется только слизь на пальцах. Воскресенье, праздное и сытое существование, полное безделье. Все это время у меня одно желание: заткнуть уши, ничего не слышать и не знать, только бы оставили меня в покое. Спать сколько захочешь, прозябать в нежной полудреме, есть, читать книги, смотреть телевизор, баловаться с компьютером, не заботиться и не работать, даже не думать, пока это возможно, ни о чем плохом, только тешить себя сладкими фантазиями, и жить так сотню, двести и триста лет, а потом так же сонно и беспечно перейти в бессмертие.

7 февраля

Когда я подаю милостыню нищему, мне кажется, что мы с ним оба делаем какое-то дурное дело, которое надо закончить поскорей и без посторонних глаз. Никакой радости, никакой любви, никакого осознания важности и нужности этого поступка, прямо следующего из заповедей Господа, я не предполагаю и не испытываю. Наоборот, я чувствую, что участвую в одной из тех неискренних и некрасивых сделок, где обе стороны ради выгоды решаются на компромиссы с совестью и стараются, пряча от стыда глаза, поскорее разойтись. Рука, прикасающаяся к другой руке, когда она кладет монету в разжатую ладонь, – в этом жесте есть что-то ужасное.

11 февраля

Все дело в идиосинкразии на других. Отсюда моя избыточная шепетильность и предупредительность: я хочу как можно меньше соприкасаться с посторонними людьми. Мой идеал – прожить день, не столкнувшись ни с одной живой душой, а если это невозможно, свести такие встречи к минимуму, поскорей отделаться от них, как от неприятного долга, и, вернувшись домой, в свой исходный и конечный пункт, оуклиться там и покоиться в самом себе. Поэтому я стараюсь не отрачивать себе никаких колючек и крючков, а наоборот, стремлюсь быть максимально круглым, гладким, обтекаемым. Я со всех сторон обмазываюсь предупредительностью и учтивостью, как борцы в старину натирались маслом, чтобы легче выскальзывать из рук противника.

Мое положение в мире можно обозначить как «войну на внешних границах». Весь природный и вещественный мир составляет часть меня, он находится внутри, а не снаружи; внешнее – это только другие люди. Всякое трение с ними трудно и мучительно. Инстинктивно хочется никого не задевать, чтобы не быть задетым, а для этого нужно по возможности имитировать свое несуществование, уметь мимикрировать, быть гибким, незаметным, как шпион, прокрадывшийся в чужое войско, – превратиться в столб, в зимнюю березу, в нейтральные обои, на которых не останавливаются ничьи глаза, сократиться до размеров микроба и ничтожества. Неважно, что о тебе подумают, лишь бы оставили в покое.

15 февраля

Отцу 70. После пробуждения, как почти всегда, испытал сильный приступ раздражения и недовольства собой, который, тоже как всегда, быстро сменился усталым безразличием. С утра ушел в запойное безделье: даже не убрав постели, до середины дня смотрел телевизор и теперь чувствую легкое похмелье. Все так же удивительно спокоен и здоров, сплю крепким железным сном по десять часов в сутки, при этом постоянно празден и безволен. Как о невозможном чуде, мечтаю об алмазной твердости духа, о том, чтобы надеть вериги жесткой дисциплины, жить по неизменному режиму, расписанному от минуты до минуты, работать по 18 часов в день с перерывом на короткий сон. Как водится, составил расписание на год вперед: что именно и в

какой промежуток времени будет сделано, – и по глупости своей испытываю от этого такое же удовлетворение, как если бы оно наполовину было уже выполнено.

22 февраля

Провел утро в унынии и безделье, но заставил себя сесть за стол, раскрыть дневник и написать несколько строчек. И вдруг мой ум и чувства заработали в полную силу. Наверно, все дело в теплой солнечной погоде, бодрость и ясность которой передается ко мне в комнату даже через мутное стекло. Вспоминаются почему-то лыжные прогулки, быстрый и размашистый бег в лесу, окаменелость шершавых глыб и снежный ельник, торжественный и суровый, как церковный хор. И как было хорошо, срезав лыжиной сугроб, завалиться на бегу в какую-нибудь яму и потом стоять на дне оврага, держа в зубах залубеневшую от снега рукавицу и поправляя съехавшее набок крепление.

23 февраля

Сам факт писания обязывает к строгой форме. Медленный физический процесс записывания слов не совпадает с летучим миром духа – разница между ними такая же, как между газом и железом. Прорывающаяся наружу мысль самоорганизуется, проходя через процесс отбора, сгущается из воздушного состояния в текучее и наконец, как расплавленный металл, разливается и застывает в твердой форме.

24 февраля

Красиво то, что знакомо, что откладывалось годами, как геологические породы, на что есть указания памяти. На свет рождается не полноценный человек, а растение-младенец, лишенный не только опыта и знаний (что было бы еще понятно), но и способности к запоминанию, сознания, осмысленного действия и взгляда. Человеку еще некуда приходить, мира еще нет, он и не появляется в одно мгновение, а растет и крепнет вместе с ним. Это длительный, медленный, органический процесс. Только много лет спустя, глядя на хорошо знакомый, отстоявшийся в душе мир, можно увидеть и осознать его красоту.

27 февраля

Страх вместо истины. То, чего боишься, сплошь и рядом принимается за правду. У страха, как и у зла, есть гипнотическая сила внушения: то, что он собой подменяет (или, скорей, затемняет), разверзается такой головокружительной пропастью, что страх парализует волю и способность отличать истину от лжи. Если нечто так ужасно, то оно не может быть простой иллюзией: ужасное самоочевидно силой своего воздействия на нас. Смерть и небытие сверхубедительны, ибо вызывают наибольший ужас.

3 марта

Две девушки в новой фирме, обе по-своему привлекательные. Одна крепкого телосложения, в чем-то вроде стилизованной тельняшки, некрасивая, но с обаятельной манерой поведения – женственно-податливой, робкой, с готовностью рассмеяться на любую шутку, восхититься каждым замечанием, подарить тебе все свое внимание и время. Вторая маленькая, дохлая, с щуплым телом, короткой стрижкой и ямочкой на подбородке, похожая на разбитного и нахального подростка в кое-как сидящей майке, сразу видно, что недалекая по уму,

но с неуловимой, может быть, мнимой порочностью в повадках. Первая оставила меня равнодушным, а вторая втайне взволновала: глядя, как она расхлябанно откидывалась в кресле, небрежно перекидывалась фразами с коллегами, слонялась по комнате в своем просторном балахоне, обвисающем на крепко стиснутой бюстгальтером груди, я чувствовал, какое недвусмысленное влечение вызывает весь ее облик, как легко и ясно воображение рисует ее в роли молоденькой, простецки-грубоватой, донельзя бесстыдной и распущенной любовницы.

4 марта

С утра представлял себе веревку, крепко обмотанную вокруг запястья. Она продолжалась куда-то дальше, вероятно, к столбу или опоре, на которой я держался, или к предмету, который мне следовало с большим усилием и напряжением мускулов подтащить к себе. Я держал ее в руке, чувствуя упругую силу натяжения, пропущенную сквозь пальцы. Возможно, это был хлыст, тяжелый конец которого лежал на земле, ожидая, когда я взмахну им в воздухе.

7 марта

Весна исподволь перестраивает состав моего существа. Смутно брезжит возможность писать: так, как хочу и как должно, без умственных схем, ничего не объясняя, а только заражая, и заряжая, слова ощутимой во всех подробностях жизнью.

Как хорошо оказаться ранним утром в Москве безо всяких дел. Идти, с жадностью глядя на магазинные витрины и прохожих, цепко схватывать архитектурные детали, узор рельефного карниза, цвет какой-нибудь оштукатуренной стены, проникая воображением в окно безымянного учреждения или чужой квартиры, во всем живо участвуя, с душой свежей и чистой, как неиспользованный носовой платок.

9 марта

В отношении к искусству, как и в отношении к Богу, существует дифференциация на избранных и непосвященных, тех, кто «слышит слово», и тех, кто к нему глух и слеп. Но если верующий твердо знает, что рано или поздно каждый человек увидит свет Божественной истины или, по крайней мере, будет по справедливости наказан за свое неверие, то у художника нет и такого утешения. Как бы ни был оценен его талант, всегда останется огромный пласт людей, которые не испытывают потребности в большом искусстве и поэтому заведомо безразличны к его произведениям и всему, на чем они основаны. Таких людей никакими средствами невозможно заставить раскрыть глаза, прозреть и увидеть свою неправоту; и поскольку очевидно, что в загробном мире поэтам и философам не будут раздавать лавровые венки, то справедливость и там никогда не восторжествует.

12 марта

Все утро сильный снегопад, метель. У обочины дороги на том месте, где обычно толпится дюжина торговков, маячила в снегу одинокая фигура. Другие продавщицы испугались плохой погоды, и на «точку» пришла только эта круглая, как куколь, баба, замотанная в тулупы и платки, – и вот теперь нелепо торчит у всех на виду, широко разлапив руки и жалобно моргая на прохожих. Когда я проходил мимо, она нагнулась и стала что-то перебирать, перекладывать в своем картонном коробе, все еще надеясь на какого-то невероятного покупателя, который среди этой снежной круговерти захочет посмотреть ее товар, – и сердце, как обычно, сжалось от бесплодной и никчемной жалости.

14 марта

Утром из своей комнаты прислушиваюсь к разговору отца и племянницы, с переборами текущему на кухне. Прислушиваюсь мучительно, страдая за неловкость положения, когда собеседникам приходится подыскивать тему для разговора. Чтобы избежать таких ситуаций, сам я выхожу на кухню только тогда, когда там никого нет или есть больше одного человека. У меня трудности в общении с отцом, с племянницей, с братом, с сестрой, с двоюродными сестрами и братом, – короче говоря, со всеми, кроме матери и жены. С матерью неловкость иногда заменяет виноватость, особенно если она больна, и я, чувствуя ее одинокой и потерянной в болезни, поневоле изливаю на нее свое преувеличенное и как бы извиняющееся внимание. Часто, проснувшись утром, продолжаю лежать, притворяясь спящим, чтобы избежать жалоб и дурного настроения жены, а когда она уходит на работу, еще некоторое время выжидаю, пока позавтракает отец.

16 марта

Утром представлял, что меня бодает бык с рогами из сливочного масла.

19 марта

В метро проводят «изучение пассажирских потоков». При входе множество плохо одетых людей обоего пола выдают пассажирам учетные карточки из плотного картона, на которых написан номер станции. На выходе такие же люди стоят с раскрытыми черными мешками, призывая бросать в них карточки. Выходя, я внимательно смотрю, кому отдать свой билет: некоторые стоят на бойком месте, и карточки буквально сыплются к ним дождем, другие, оказавшись на отшибе, выглядят немного обделенными, третьи торчат где-то в стороне, и вид у них такой, словно никто никогда не бросит им ни одной карточки и потом их, вероятно, будут ругать за скудный урожай. Я выбираю последних, чтобы никто не стоял зря.

25 марта

Я бываю счастлив, читая в книгах о полузабытых царствах и о правлениях каких-нибудь затерянных в истории царей или тиранов, например, Авгара IX Эдесского, которого, как оказывается, ошибочно отождествляют с Авгаром V Укомой. Еще большее блаженство думать о приближенных этого правителя и родственниках этих приближенных, о друзьях этих родственников, о сыне одного из них, о его игрушках и рыжей кошке, жившей у них в доме, о крестьянах, которые привозили им масло и зерно на телегах, груженных огромными кувшинами. И совсем уж несбыточная мечта – оказаться хоть на минуту среди них, посидеть с прислугой за обеденным столом, отхлебывая из глины кислое вино, заглянуть в амбар, в хлев, в спальню господина, а потом вернуться назад, прихватив с собой на память какую-нибудь мелочь, – пару новеньких монет, отчеканенных при императоре Тиберии.

26 марта

Удивительно, что на свете вообще что-то происходит. Какие-то средневековые князья собрались вместе, решив завоевать Иерусалим, и никто не рассмеялся, не принял это за шутку, но все всерьез взялись за дело, стали покупать корабли, собирать армию, сколачивать отряды и т.д., и вот тысячи людей потянулись в долгий и мучительный поход, и все это происходило

на самом деле. Мне кажется, что любое намерение и действие должно повисать в воздухе и заканчиваться ничем. Когда я смотрю на играющего сына, мне делается страшно, что сейчас он остановится и опустит руки, осознав бессмысленность своих занятий. Сам я с трудом заставляю себя что-либо делать, всегда преодолевая внутреннее сопротивление и желая поскорей вернуться в первоначальное и естественное, на мой взгляд, состояние покоя.

27 марта, суббота

Проснулся в пять часов по будильнику, на улице было ясно, сумеречно, ранние прохожие уже выгуливали собак, хрустя каблуками по снежной корке. Сейчас, в восемь утра, по деревьям гуляет влажный блеск, солнце висит в окне на уровне моего лица и через миллионы километров греет мое тело так же естественно и легко, как комнатная батарея. Дело идет к весне, температура днем доходит до десяти градусов тепла, зима истекает соком, как подвешенная на крюке освеженная туша. Накануне шел от автобусной остановки через рощу и вместо обычных пяти минут потратил на это целый час. Все вокруг блестело и текло, снег стал жидким и зыбким, как трясина, и я блуждал среди ручьев, не узнавая изменившейся дороги. Разбегавшиеся по сторонам аллеи обманывали поверхностной надежностью, и под конец я забрел в такие места, что, подняв одну ногу, уже не знал, куда ее поставить. Пришлось поворачивать назад и проделать весь обратный путь, с каждым шагом рискуя если не утонуть, то, по крайней мере, провалиться в воду. Все было похоже на долгую и сложную экспедицию, комически проводившуюся в двух шагах от жилых домов и городского шоссе: по дороге я знакомился со случайными попутчиками, расставался с ними и встречался снова, пока, наконец, не оказался вдвоем с какой-то женщиной у выхода из парка, безнадежно упершись в широкую канаву, полную воды и талого снега.

28 марта

Болезнь как невидимая тюрьма. Что бы ты ни делал, носишь ее с собой, вернее, находишься в ней, как улитка в раковине. Мир, открытый для других, тебе недоступен, но никто не видит и не понимает этого, кроме тебя. Больной меняет свои привычки, отказывается от обычного образа жизни и вырабатывает новый взгляд на вещи. Болезнь принимается как схема, но не добровольная, а навязанная тебе неизвестно кем и по непонятным причинам. Тебе уже не избавиться от нее, вместе с ней ты проживешь оставшиеся годы, вместе с ней сойдешь в могилу. Ты уже с трудом вспоминаешь человека, которым ты был когда-то, до болезни. Ты не ропщешь, а только удивляешься, почему другим не дано того же, что тебе, чем ты отличаешься от них: это своего рода избранничество, только смысл его неясен. Ты стал для них непонятен, как они непонятны для тебя. В тюрьме, где ты живешь, они случайные посетители, у которых нет с тобой общих интересов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.